

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Александр Толстиков

Серафим Саровский

Гражданин Небесного Отечества

БЕЛЫЙ ГОРОД
Москва, 2007

ХРАМ

Первое, что узнал Прохор, появившись на свет, — материнские руки. Еще не умея говорить, не понимая значения окружающих предметов, он чувствовал: материнские руки — его защита от враждебного и непонятного мира. Вся любовь, тепло и доброта сосредоточены в этих волшебных руках. Они снимают боль, прогоняют страх, баюкают и усыпляют.

Когда ночью за окном гремел гром и комната освещалась яркими вспышками молний, маленького Прохора охватывал страх. Он с головой залезал под одеяло и закрывал уши, чтобы ничего не слышать. Но от страшных раскатов было не спрятаться, не укрыться. Тогда мать зажигала свечку, брала на руки сына и, глядя его по белобрысой голове, приговаривала:

Подлинную дату рождения Серафима Саровского установили совсем недавно. На протяжении многих лет в литературе существовала путаница — назывались разные годы — 1757, 1758, 1759, 1764 и так далее. Благодаря стараниям историков-краеведов, в частности жителя города Сарова Валентина Александровича Степашкина, написавшего книгу «Преподобный Серафим Саровский: предания и факты», Московская Патриархия официально признала дату рождения святого старца — 1754 год. В 2004 году православная Россия отметила 250 лет со дня рождения Серафима Саровского.

— Не бойся, сынок, это святой Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает, огненные стрелы на землю шлет.

— Зачем?

— Чтобы поразить злых духов, которые мешают людям жить праведно.

Если у Прохора болела голова или живот, матери достаточно было положить на больное место руку, немного подержать, и боль затихала, уходила.

Отца он не помнил. Прохору было всего три года, когда Исидор Машнин умер, оставив на руках своей жены Агафьи троих детей, большой дом и незаконченное дело. Купца Машнина знали и уважали в Курске — он владел кирпичным заводом, брал подряды на строительство жилых домов и церквей, был известен честностью и набожностью. Машнины много жертвовали на обустройство и содержание храмов, оттого и не были очень богаты.

Энергичная и трудолюбивая, Агафья хорошо помнила слова мужа, сказан-

ные перед смертью. Исидор просил жену не бросать их общего дела, достроить храм во имя великого русского святого — Сергия Радонежского. Это величественное сооружение спроектировали в Петербурге ученики знаменитого итальянского архитектора Растрелли, а строили на пожертвования курских прихожан. Денег на строительство постоянно не хватало, и Машнины вкладывали в него свои собственные средства.

Храм заложили на месте старой деревянной церкви Преподобного Сергия, сгоревшей в 1751 году. На пепелище изумленные прихожане обнаружили целую и невредимую икону Казанской Божией Матери, ее не тронул огонь, полыхавший почти двое суток! Потому

и храм решено было назвать Сергиево-Казанским. Подряд на строительство получил Исидор Машнин, и совсем не потому, что жил рядом с местом закладки храма, а потому что земляки ему доверяли.

Когда Исидор умер в возрасте сорока двух лет, все заботы по возведению храма взяла на себя Агафья.

Она ходила по стройке, повязанная черным платочком, что-то благожелательно говорила рабочим, подолгу беседовала с начальником строительной артели, и никто в ее присутствии не смел повысить голос или сказать грубого слова. Много лет она руководила строительством: дотошно проверяла бухгалтерские книги, сама выдавала жалованье строителям, следила за качеством работы. Однажды Агафья велела разрушить сорок рядов кир-

пичной кладки, заметив, что каменщики слегка закосили стену колокольни.

Этот недостаток легко можно было устранить при помощи штукатурки, но кроткая и всепрощающая Агафья, когда речь шла о строительстве, становилась жесткой и неуступчивой. Этот храм — главное дело семьи Машниных — должен быть безупречным. Сооружение храмов Божьих считалось великим, святым делом. Люди, строившие их, должны быть духовно собранными, безупречными в христианской жизни. На них смотрел весь город, на них смотрели соседи.

Дом, где жили Машнины, стоял на склоне высокого холма, в Ильинской слободе. Отсюда открывался прекрасный вид: равнины, напоминающие безбрежное море, переходили в степь — без конца и без края.

В древности холм был окружен толстой крепостной стеной и не раз встречал войска поляков и крымских татар, однако никто не мог одолеть этот рубеж. Тут была граница коренной Руси, один из ее боевых форпостов.

Жизнь слободы протекала в храме Ильи-пророка и вокруг него — здесь крестились, учились вере, молитве и грамоте, здесь узнавали новости и обсуждали житейские дела, знакомились, выбирали себе невест и женихов, сюда сходились на праздники, на храмовой площади торговали, а на приходском кладбище заканчивали земной путь. В жизни были соседями и в смерти.

Все детство Прохора было связано с постройкой нового храма. Он знал всех рабочих по именам, понимал назначение многочисленных инструментов и умел ими пользоваться. Агафья не запрещала сыну бывать на стройке, она знала, что там дурному не научат. Артельщики были народом богобоязненным и трезвым — других на работу не принимали.

Высоченную колокольню Сергиево-Казанского собора строили несколько лет. Уже выбелили стены, мастера-кровельщики покрыли сусальным золотом луковицу купола, и красавица-колокольня дожидалась главного события — прибытия колокола. Его отливали в Пушкарной слободе, а медь и бронзу собирали всем миром — кто принесет подсвечник, кто ступку, а кто и прохудившийся медный таз.

Колокольня еще стояла в лесах, когда Агафья решила проверить — все ли готово к прибытию колокола. Ранним утром, когда на стройке никого не было, вместе с маленьким Прохором по крутым деревянным ступенькам Агафья поднялась на самый верх. Они стояли на узкой площадке, вровень с позолоченным куполом, а далеко внизу лежал их родной город. Он был бело-розовым от цветущих яблоневых садов и восходящего солнца. Легкая утренняя дымка белесой призрачной пеленой плыла между домами и деревьями. Вовсю горланили

*Сергиево-Казанский кафедральный собор
Курск. До 1907 года*

Протоиерей Лев Лебедев в статье «Новые данные к жизнеописанию старца» так писал о семье Машниных:

«Радостная устремленность к Богу, которая восхищает нас в преподобном Серафиме, была свойственна всему его роду. Эта устремленность особенно укреплялась в период строительства Сергиево-Казанского кафедрального собора: вскоре же после окончания строительства из преуспевающих подрядчиков и купцов Машнины стали постепенно превращаться в беднеющих мещан. Недолгий род их словно для того и появился на свет, чтобы построить величественный храм и воспитать великого подвижника благочестия...»

петухи, слышался звук пастушьей дудки и недовольное мычание коров — стадо гнали на пастбище.

Прохор посмотрел на мать. Агафья стояла молча, не двигаясь, и напряженно вглядывалась куда-то вдаль, в степь, где весенняя, радостная, полная жизни земля смыкалась с розовым безоблачным небом. Он увидел в глазах матери слезы. Прохор не понимал причины ее слез, но всем своим маленьким сердцем ощутил торжественность и величие этой минуты, когда реальность исчезла, и даже собственное тело исчезло, остался только божественный восторг. Ему показалось, что стоит сделать один шаг за деревянное ограждение площадки, раскинуть руки, и он полетит над белорозовым городом, как птица...

Как был сделан этот шаг, никто и никогда не мог объяснить. Агафья не заметила, как сын оперся грудью о хлипкие перильца, она услышала страшный скрип дерева и успела заметить руки ребенка, мелькнувшие в воздухе. Прохор даже не закричал, страх парализовал его. Он не пытался за что-нибудь ухватиться, а только крепко зажмурил глаза и слушал, как кряхтят дощатые мостки и стойки, которые он цеплял в этом стремительном и жутком полете. И еще один звук — треск рвущейся материи — это оборвались прочные суконные помочи, поддерживавшие штаны Прохора.

Не помня себя, Агафья сбежала с колокольни, ожидая увидеть внизу страшную картину. Но что она увидела?! Прохор стоял на ногах и улыбался. Штаны с него свалились, одного сапога не было, а на щеке багровела малиновая царапина — единственная отметина, полученная при падении с тридцатипятиметровой высоты.

Чудо! — так утверждали набожные жители Ильинской слободы, и они были

правы. Чем же еще можно объяснить столь счастливое избавление от верной гибели?

Мальчик молчал несколько дней. Он был здоров, но на вопросы не отвечал, и только уголки его губ трогала едва заметная улыбка. Так мудро и примирительно улыбаются старики, прожившие длинную-длинную жизнь. Казалось, Прохор знает какую-то сокровенную тайну, открывшуюся только ему и недоступную простым смертным...

В смертельном падении с колокольни кто-то поддержал его, кто-то незримый подставил свои сильные руки, и руки эти были куда более могущественны, чем ласковые, добрые руки матери. Прохор не мог выразить эту внезапную догадку словами, он чувствовал ее, как животные в жаркой пустыне чувствуют приближение спасительной воды.

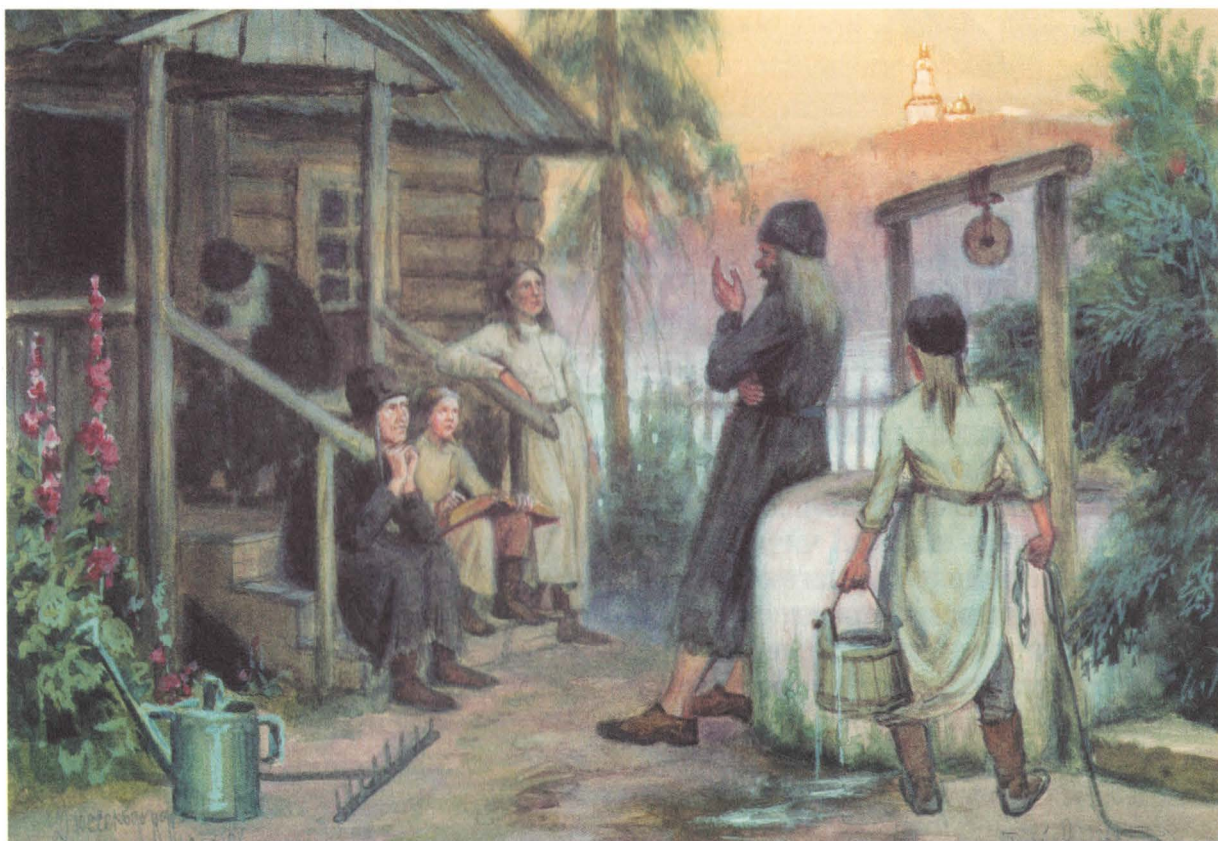
БОЖЬЯ ПОЯНА

Прохор летал во сне. Полеты эти были какими-то странными. Будто сидел он в горнице, на дубовой лавке, крепко взявшись руками за края. Лавка некоторое время оставалась неподвижной, потом отрывалась от пола, покачивалась, поднималась к потолку и так же медленно опускалась. В эти мгновения Прохор не чувствовал своего тела, оно становилось невесомым, а воздух вокруг все сгущался и становился таким плотным, что казалось на него можно было опереться руками.

Старший брат Алексей объяснил сон просто:

— Есть такая примета, если человек во сне летает, значит — растет. Так лю-

М. Фармаковский. *Тихий вечер*

ди говорят. Я и сам летал, только не на лавке, а высоко в небе.

— Не страшно было?

— Совсем не страшно. Когда летаешь, ты вроде бы и не человек, а птица.

В семь лет Прохор стал учиться грамоте. Азбуку он одолел за два дня и уже через неделю, медленно, запинаясь, читал по складам. Он быстро прошел Часослов, Псалтирь и начал читать Библию. В этой священной книге содержались ответы на все вопросы, которые возникают у человека на протяжении жизни: от самых простых до очень сложных. Как возник окружающий мир? Почему день сменяется ночью, а зима — летом? Кто управляет мирозданием? Откуда пошел род человеческий?

Если мальчик чего-то не понимал, он просил мать объяснить ему смысл прочитанного. Агафья не всегда могла помочь сыну и отправляла Прохора к священнику Ильинского храма отцу Савватию. Старик любил умного мальчика и подолгу беседовал с ним. Он терпеливо разъяснял Прохору, что значит то или иное библейское выражение, как нужно молиться: отрешившись от всех посторонних мыслей и забот и полностью сосредоточившись на священных словах — только тогда будет прок от молитвы. Савватий называл такую молитву «умной».

— Читай молитву ко Пресвятой Богородице, чадо мое, да почаще, в любое время дня и ночи — сколько просит сердце.

Прохор никогда не забывал возносить молитву к Богородице. Иногда Она приходила к нему во сне, ласково улыбалась и гладила по голове. Лицом она была похожа на маму и одета так же, но только Богоматерь вся светилась, сияла неземным светом, и от этого сияния и света хотелось плакать, потому что это был свет неземной любви. Он просыпался с колотящимся сердцем и шептал слова молитвы:

*Всемиловитая Владычица моя,
Пресвятая Госпожа,
Всепречистая Дева, Богородица Мария,
Мати Божия,
Несомненная и Единственная надежда моя,
Не гнушайся меня, не отвергай меня,
Не оставь меня, не отступи от меня...*

На десятом году жизни Прохор сильно заболел. Никто не мог понять причину этого недуга — мальчик не мог ходить, тело его распухло, он почти ничего не ел, только пил воду.

Местный лекарь поил его каким-то горьким отваром из трав, но это не помогало. Уже несколько дней он метался в бреду, сильно потел. Прохор должен был умереть, как умирали многие слободские дети.

Агафья позвала в дом отца Савватия — причастить сына. Священник исполнил свой долг и ушел.

Этой же ночью свершилось второе в жизни мальчика чудо. Во сне к нему пришла Богородица и сказала: «Ты поправишься».

На другой день горячка отступила, Прохор пошел на поправку и уже через две недели полностью выздоровел.

Во снах и уединенных молитвах было много любви и надежды, а в окружающем мире Прохор видел совсем другое. Слободские мальчишки повесили на дереве бродячую собаку, обвязав ее шею сыромятным ремешком, и пока она билась в конвульсиях, лупили по тощим бокам палками. Видел, как ожесточенно дрались у трактира пьяные мужики, размазывая по щекам слезы и кровь, дрались молча, истово, только изредка кричали, словно рубили дрова. Когда мужики разбежались, один остался лежать на земле — в груди торчала рукоятка ножа. Глаза у него были открыты и дерзко смотрели в небо.

Кругом был грех — воровство, измена, обман. Люди ходили в церковь, повторяли заученные слова молитвы, исповедовались священнику, каялись в дурных поступках, а выйдя из храма, грешили вновь и вновь. Они не боялись кары небесной и гнева Божия, потому что не было в них истинной веры — так говорил отец Савватий.

Старший брат Алексей содержал лавку, в которой продавалась всякая всячина, необходимая в крестьянском быту, — веревки, сыромятные ремни, конская сбруя, лапти. Он был купцом опытным, и лавка давала хорошую прибыль. Когда понадобился помощник для присмотра за товаром, мать поручила это младшему сыну. Прохор любил брата, но не любил торговли. Ему было скучно, и он находил всяческие предлоги, чтобы уйти из лавки. Ведь из-за работы в лавке он стал реже бывать в церкви, реже разговаривать с отцом Савватием.

По воскресеньям, взяв с собой «Жития святых», Прохор уходил в ближайший лесок, где у него была любимая поляна, он называл ее «Божья». Поляну эту никто не косил, и летом здесь было множество цветов — ромашки, василь-

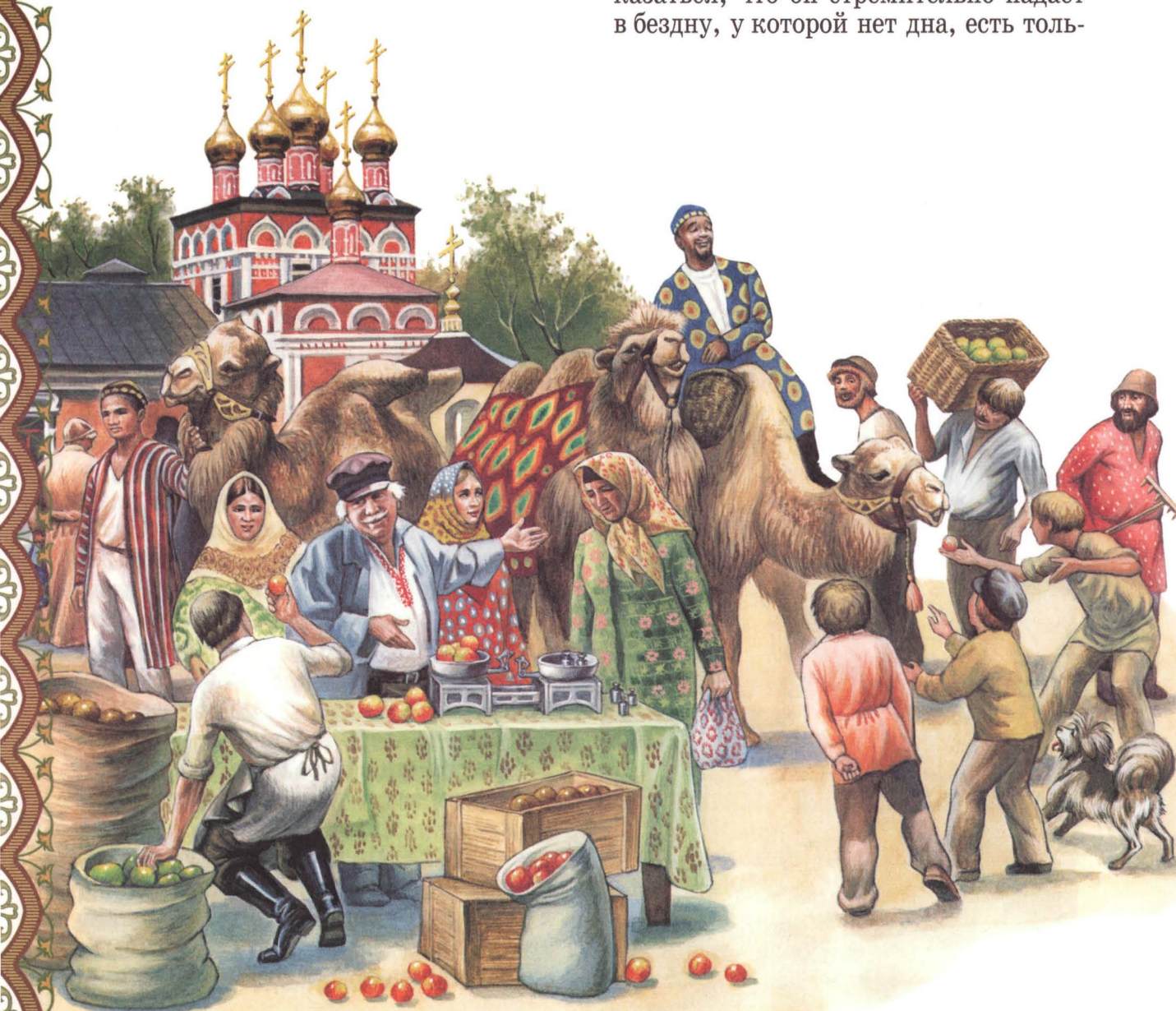
ки, колокольчики, кукушкины слезки. Стояла тишина, только трещали в траве неугомонные кузнечики, а из лесу доносилось пение птиц.

На этой поляне была настоящая, праведная жизнь, ибо птицы, бабочки и всякие звери лесные не знают греха, а значит — они ближе к Богу, чем люди.

Прохор лежал на спине, раскинув руки, и глядел на медленно плывущие об-

лака, причудливо меняющие свои очертания. Иногда они были похожи на овец, на стайку гусей, иногда — на двугорбых верблюдов. Этих диковинных животных Прохор видел на ярмарке у приезжих татар.

В особенно ясные дни — ни одного облачка в небе, ни одной морщинки, только бескрайняя синяя гладь. Как море-океан. Прохор долго смотрел в эту синеву, не отрываясь, и ему начинало казаться, что он стремительно падает в бездну, у которой нет дна, есть толь-

Неизвестный художник. Вид Киево-Печерской лавры. XIX век

ко бесконечность. Падает все быстрее и быстрее, так что в животе холодеет от страха. Тогда он быстро закрывал глаза, и падение останавливалось.

Такое случалось с Прохором часто, он ждал этих полетов в бездну и в то же время боялся их. Что-то непонятное, огромное, властное увлекало его в эти странные полеты. Земля, которую он ощущал спиной, была в эти моменты зыбкой, ненадежной, с нее легко можно было соскользнуть и ухнуть в бесконечность.

Прохор рассказал об этих полетах отцу Савватию — путано, стесняясь и краснея. Он боялся, что старый священник не поймет и не примет всерьез его слов, но случилось иначе. Отец Савватий, выслушав странное признание мальчика, перекрестил его и сказал:

— Это душа твоя, Прохор, стремится к Богу.

СТАРЕЦ ДОСИТЕЙ

Как только потянет весенним теплом, по городам и деревням России начинаются сборы на богомолье. Поклониться святым местам идут разные люди — зажиточные и бедные, здоровые и недужные, грешные и праведные. Просохнут дороги, прогреет солнышко, и толпы богомольцев заполняют широкие российские тракты и узкие проселки. Они идут группами по двадцать-тридцать человек, ночуют где придется — на грязных постоялых дворах, в убогих крестьянских избах, а то и в чистом поле. Лица их обожжены солнцем, одежда в пыли, но они упрямо движутся вперед.

Древний Киев — мать городов русских — вот их цель. Как жизнь прожить и не увидеть Киево-Печерской лавры — знаменитого монастыря, не преклонить колена перед чудотворными

На пути в Саров

иконами и мощами великих праведников и исполниться благодати! Находился Киев далеко от большинства европейских губерний, но это не пугало паломников — все пути к русской святыне были усеяны ими, как муравьями.

Что заставляло этих людей бросить дом, близких и идти пешком через всю Россию? Чаще всего — обещания, данные Богу. Настигнет человека несчастье, хворь неизлечимая или опасность какая, он и дает обет: если минует беда, пойду в Киев, приложусь к святым мощам, вознесу благодарение Господу за милость, излечусь телесно и духовно.

Пройдя верст десять, группа садится на отдых. Если есть грамотный, он читает на привалах книги душеспасительного содержания — жития святых угодников, описания русских монастырей и храмов. Глубокое молчание воцаряется тогда в группе: слушают внимательно, стараясь запомнить и понять. Не все запомнят и поймут прочитанное, но что-

то обязательно западет в душу, не пройдет бесследно, даст ростки.

В такой группе богомольцев шел когда-то семнадцатилетний Прохор Машнин — с посохом в руке, с котомкой за плечами и большим медным крестом на груди. Он был высок ростом, широкоплеч, голубоглаз, вся его фигура излучала здоровье и силу.

Когда Прохор сказал домашним, что хочет покинуть мирскую жизнь и уйти в монастырь, никто не удивился. Вся его предыдущая жизнь была приготовлением к этому поступку. Заплакала только сестра Параскева — она была старше Прохора на восемь лет и ухаживала за братом с самого рождения. Алексей промолчал, только вздохнул незаметно и посмотрел на мать — что она скажет?

— Значит, так на роду тебе написано, сынок, — сказала Агафья. — Давно вижу — не по тебе мирская жизнь. Иди.

Прохор ушел весной, когда в Курске вовсю заливались соловьи. На прощание, по православному обычаю, молча посидели, потом Агафья дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божьей Матери и надела ему на шею большой медный крест. Этот крест, как великую святыню, он хранил всю свою жизнь, никогда не снимая его.

Он знал, в какой монастырь пойдет — в Саровский. В те годы обитель эта славилась настоящей иноческой жизнью — строгой и подвижнической, а настоятелем в ней был отец Пахомий, родом из Курска. Но прежде чем отправиться в Саров, юноша решил идти в Киев — спросить совета у мудрых старцев, слава о которых шла по всей России, поклониться святым местам, где жили великие подвижники, о которых он читал в книгах — Антоний и Феодосий Печерские...

Прохор мечтал: в тиши монастырских келий он посвятит свою жизнь Богу, молитвам о спасении души и всего человечества. Он станет послушником в монастыре, будет прилежно исполнять любую работу, которую возложит на него настоятель, а потом, когда выйдет срок, пострижется в монахи и получит новое имя для вступления в новую жизнь. Он будет жить строго по уставу, окруженный благочестивой монастырской братией, которая станет для него, молодого монаха, живым примером истинного служения Богу.

Исполнилась мечта Прохора — он в Киево-Печерской лавре! Раскинулась она на высоком берегу Днепра, на двух холмах. Горят золотом церковные купола, льются песней колокольные звоны. Укромные пещеры, с которых и пошел монастырь, хранят мощи святых угодников русских. Среди них — мощи святого Феодосия. Он первым завел в монастыре общежитие, то есть такую жизнь, когда все добро общее, монастырское, нет ни бедных, ни богатых, и все перед Богом равны.

А ясновидец Антоний не пожелал, чтобы мощи его были явлены миру — он похоронен в земле...

Прохор помолился, приобщился Святых Тайн и услышал от исповедовавшего его монаха об удивительном старце Досифее, великом подвижнике и прозорливце, который обитает неподалеку, в Китаевой пустыни. К нему и направился Прохор испросить совета — следует ли ему идти в Саровский монастырь?

Выслушал Досифей юношу и одобрил его выбор:

— Иди, чадо Божие, в Саров, и живи там. Это место станет для тебя спасением. Непрестанно помни о Боге, призывай его имя, с ним найдешь покой, чи-

стоту телесную и душевную, и вселится в тебя Дух Святой, и проживешь в благочестии.

После этих слов Досифей просто, буднично прибавил: — Настоятелем в Сарове отец Пахомий, праведной жизни человек, последователь отцов наших Антония и Феодосия. К нему иди, скажешь, Досифей направил.

Старец сам снарядил Прохора, насыпал в холщовую сумку черных сухарей, перекрестил и в путь отправил, да внезапно окликнул. Велел вернуться и выслушать его.

— Слова эти будут для тебя тяжелы, — проговорил старец, вздохнув, — но сказать их велит мне долг пастырский. Я уже стар, многое видел, много где побывал. Ты думаешь, в монастыре найдешь душевный мир и покой? Нет, не найдешь. Знаешь, как сатана будет смущать невинную душу? Придет к тебе скука монастырская, и не будет с ней, окаянной, никакого сладу. Эта скука велика и сильна, даже людей святой жизни она приводила к крайностям. И чем праведнее будет жизнь твоя, чем строже исполнение долга, тем яростнее силы зла будут наступать, чтобы сбить тебя с верного пути. По ночам станут являться тебе рожи мерзкие, козлы рогатые, уроды всякие, что едва ли возможны в природе. Один инок рассказывал, что видел он однажды дьявола в его собственном обличье. Дьявол этот гонялся за иноком по всему монастырю, а хвост имел столь долгий, что сшибал с неба облака. Другой монах так взалкал мяса в Великий пост, что не мог с собой справиться, горько плакал и кричал: «Если не поем мяса, умру, и буду осужден, как самоубийца...»

А подумал ли ты о семье? Трудно человеку без семьи. Жена тебя не обнимет, ребятишки не будут у ног твоих иг-

рать и тятей кликать. А матушка твоя будет умирать, кто ей глаза закроет?

Думаешь, только праведники будут окружать тебя в монастырской жизни? Нет, Прохор, увидишь ты разных людей. Слышал о беглых монахах? Знал я одного такого. Перед побегом обокрал он монастырскую кассу и множество вещей церковных прихватил... А в Глуховском монастыре какие «праведники» обретались! Иеромонах Самуил, старик, в трезвости человек спокойный и обхождения честного, а вина напьется — в драку...

Рассказывая, Досифей иногда замолкал и искося, остро взглядывал на Прохора, словно хотел понять, какое впечатление его слова производят на отрока.

При всей своей набожности Прохор Машнин рос совсем не замкнутым. У него было много друзей, он воодушевлял их своим молитвенным настроением. Известно, что в Киев с ним отправились несколько сверстников — дети из купеческих семейств: Иван Дружинин, Иван Бесходарный и двое других, фамилии которых неизвестны. Уходя из Курска, паломники взяли «увольнения» от городского общества, удостоверявшие, что они путешествуют с разрешения властей. Все они впоследствии стали иноками.

Прохор поднял глаза на старца — они были полны слез...

— Не плачь, Прохор, — устало и ласково сказал Досифей. — Испытать тебя хотел. Много зла на земле, об этом знать надо. Но не сомневайся и не страшись. Против греха и соблазна есть снадобье — молитва. Иди с Богом в Саров.

Но Прохор в монастырь не пошел. Он вернулся к матери.

САРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Прохор ушел из дома четыре месяца назад. Наступила осень, по ночам прихватывали заморозки, а дни стали короткие, скучные и дождливые. Но вернулся он, и словно солнышко на небе выглянуло — радость в доме! Мать была уверена, что из Киева Прохор прямоком отправится в Саровский монастырь, а он — к ней. Агафья сразу почувствовала — что-то случилось с сыном за это время. Он изменился. Мать долго не могла понять, в чем перемена, пока однажды не посмотрела Прохору прямо в глаза. Посмотрела и вздрогнула — сын не видел ее! Он смотрел сам в себя...

Ж. Башелье. Вид Саровской пустыни

Домашние ни о чем не спрашивали. Прохор сам рассказал о своем паломничестве — скупое, немногословное, без подробностей. О Саровском монастыре и своих дальнейших планах — ни слова. Внешне его жизнь в Курске была прежней. Он изредка заходил в лавку к Алексею, но не для того, чтобы помогать брату в торговле — в лавке собирались его сверстники, и он читал им вслух духовные книги. Его любили слушать — читал громко, выразительно, ясно, умел ответить на любой вопрос и терпеливо разъяснял непонятные места в Священном Писании...

Большую часть времени он проводил в церкви и молился. Почти ежедневно бывал на строительстве храма и обязательно что-нибудь делал там, чаще всего плотницкую и столярную работу. Он любил работать с деревом, и старый мастер Архип держал для него специальный сундук с инструментом — никто не смел его трогать. Чего только не бы-

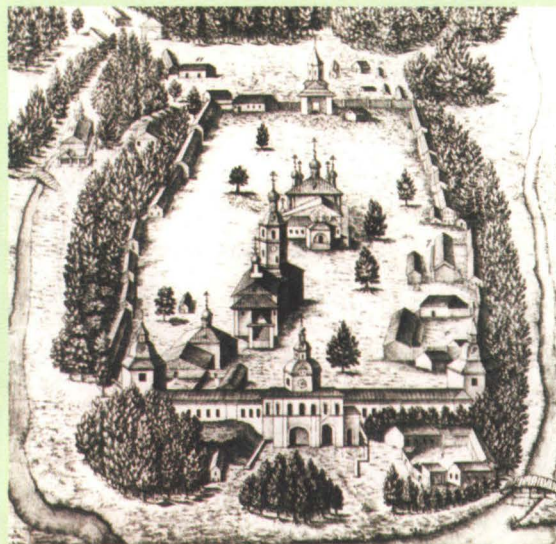
ло в этом сундуке — сверла, напильники, пилы, стамески, деревянные молотки, рубанки, шлифовальные камни... Прохор мастерил церковную мебель для трапезной, украшая ее резьбой, делал бочонки, посуду и даже плел лапти, раздавая их крестьянам, приходившим поглазеть на строительство.

Почему же Прохор изменил свое решение, не ушел в монастырь? Что с ним случилось? Может быть, виной всему слова старца Досифея, упавшие на душу тяжким бременем? Усомнился в своих силах? Страшился строгой монашеской жизни и отречения от мирских радостей?

Об этом он никому не рассказывал и про планы свои помалкивал. Однако матушка его Агафья знала: как только завершится строительство Сергиево-Казанского храма и он будет освящен, Прохор уйдет. Материнское сердце чувствовало: помолится в новом соборе и уйдет.

Первым саровским поселенцем был монах Феодосий, он пришел сюда в 1664 году. Вторым пришел монах Герасим. Но основателем монастыря считается Иван Федорович Попов — в литературе он известен под именем иеросхимонаха Иоанна. Вместе с монахом Филаретом они основали монашеское поселение на Старом Городище, на месте будущего Сарова. Трудна была жизнь пустынников. Монахи других монастырей и желающие пострижения миряне приходили, уходили, иногда надолго оставляя Иоанна в одиночестве, но благодаря твердости своего первоначальника обитель росла и развивалась.

16 июля 1706 года была освящена первая деревянная церковь во имя Пресвятой Богородицы, этот день и считается датой открытия Саровской пустыни.

Одно из первых изображений Саровского монастыря. 1764 год

Святое дело семьи Машниных было закончено в 1774 году. В октябре освятили храм, а вскоре Прохор прибыл в Саров.

Настоятель Саровского монастыря отец Пахомий принял его приветливо.

— Знал я родителей твоих, Прохор, — сказал он. — Великое дело они совершили. Слышал, храм Сергиево-Казанский уж освятили? Вот и хорошо. А теперь возьми-ка, милый, вот эту бумагу да почитай внимательно — это первое тебе мое наставление.

Бумага, которую вручил настоятель Прохору, именовалась «Устав общежительный Саровской пустыни»:

«Все монашествующие Саровской пустыни единомысленно согласились проводить уединенную жизнь свою в терпении и послушании, настоятелю во всем повиноваться, как наставнику, пищу и питье иметь общую, за монастырь к родным и прочим людям не ходить, и никакой вещи ни у них, ни в кельях

своих, исключая необходимых одежд, не держать и ничего своим не называть, ни за какое дело без благословения начальника не приниматься, церковные пения и правила исполнять по уставу и с должным благоговением. Вина, пива и других охмеляющих напитков настоятелю и братии не пить и в обители не держать, подавания в монастырь отдавать в общую казну, равно и вступающие в обитель все принесенные с собою вещи должны также предоставлять обществу, ничего не утаивая. Жить всем в совершенном равенстве, не гордясь званиями и мирским саном своим и не требуя себе отличия или чести, не говорить, что это мое или вклад мой...»

Стал Прохор послушником.

Он радовался любой работе, которую ему поручали: колот дрова, носил воду, трудился в пекарне и в столярной мастерской. Монахи дивились: им казалось, что молодой послушник не знает усталости, никто не видел его сидящим без дела. Ко-

гда же дела кончались и можно было передохнуть, он вырезал из твердого кипарисового дерева маленькие крестики с распятия — их бесплатно раздавали посетителям монастыря. Он любил работу с деревом и особенно искусен был в столярном деле, даже в список монастырской братии его записали — «Прохор-столяр».

Все видели, что Прохор — юноша необычный и не потому, что очень трудолюбив. Ведь главное дело в монастыре — молитва. По десять часов в сутки стоят монахи в церкви. Сам монастырский распорядок вырабатывает потребность в молитве, и долгие богослужения — не в тягость. Но Прохор чувствовал к молитве особенное сердечное расположение, она была для него отрадой. Не по обязанности стоял он перед образами, пел и читал священные тексты с большой искренностью и глубоким умилением. Погружаясь в мысли о присутствии Божьем, он любил все, им созданное, весь белый свет.

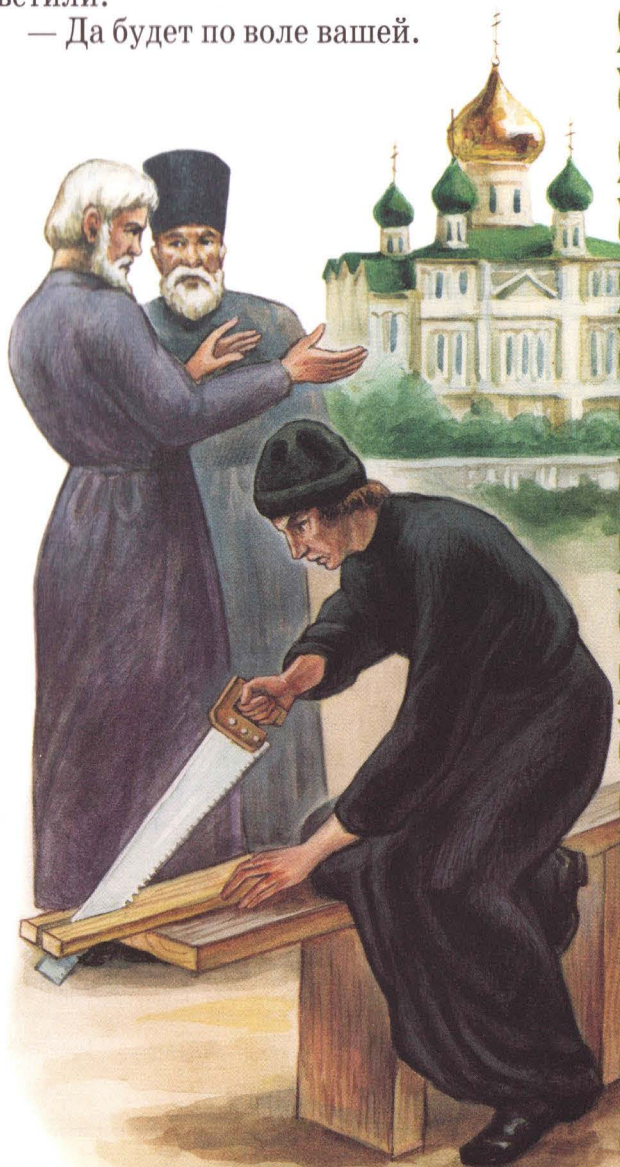
Саровская обитель славилась истинно христианской чертой — милосердием ко всем бедствующим. Кто бы и откуда ни пришел в Саров, всегда находил здесь приют и пропитание. Гостеприимством монастыря пользовались странники, нищие, крестьяне. Но особенно эта черта проявлялась в годы бедствий. Когда Россию постиг страшный голод, и жители окрестных деревень питались желудями и древесными гнилушками, монастырь открыл для голодающих свои хлебные амбары. Настоятелем в то время был отец Ефрем, человек удивительный. Многие старожилы Саровской обители рассказывали Прохору о нем. Ефрем приказал кормить всех приходящих в Саров, и это продолжалось целых семь месяцев: каждый день по несколько сотен голодных питались монастырским хлебом. Монастырские начальники ста-

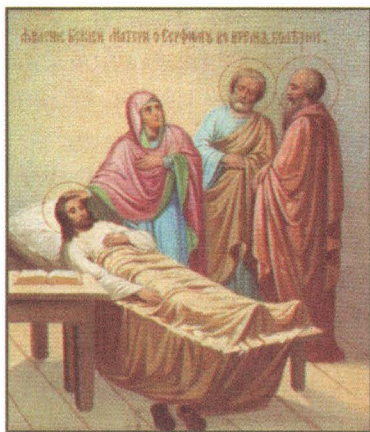
ли роптать, опасаясь, что им самим нечего будет есть. Тогда Ефрем собрал недовольных в трапезной и сказал, возвысив голос:

— Я буду делать так до тех пор, пока Богу будет угодно за грехи наши продолжать наказание. Лучше страдать вместе с народом, чем видеть его умирающим с голоду. Что, хотите пережить этих людей? А вы не подумали о том, что эти крестьяне сами недавно кормили нас?

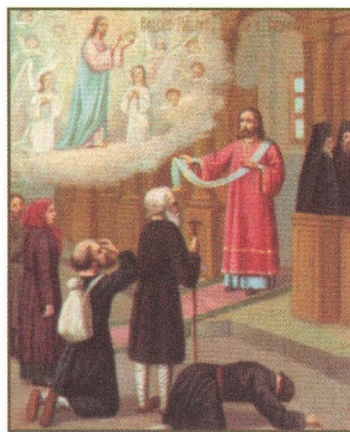
И монастырские начальники, пристыженные словами старца, смиренно ответили:

— Да будет по воле вашей.

Пресвятая Богородица
во второй раз исцеляет
Прохора. Клеймо иконы

Чудесное видение отцу
Серафиму в храме
Клеймо иконы

После двух лет жизни в Сарове Прохор сильно заболел. Скорее всего, у него была водянка, которую лечить в то время не умели. Он пролежал в келье три года, и все это время настоятель Пахомий сам ухаживал за ним. Опасаясь за жизнь Прохора, он предложил вызвать врача, но послушник ответил:

— Я предал себя, отче, истинным врачевателям души и тела, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Исповедайте меня.

Его исповедали и причастили. Он готов был к встрече с Богом. И что же? Этой же ночью в неизреченном ослепительном свете явилась к нему Пресвятая Дева Мария с апостолами Иоанном и Петром и, указав на Прохора, молвила: «Этот — нашего рода!» Потом положила на голову страдальца руку и... в правом бедре

Агафья Фотьевна, мать Прохора, умерла в 1800 году, о чем в церковной книге была сделана запись: «1800 г. февраля 29 числа, вдова мещанка Агафья Фатеева дочь, Сидорова жена, Машнина, 72 лет. Погребение отправляли священник Василий Псарев с причтом...»

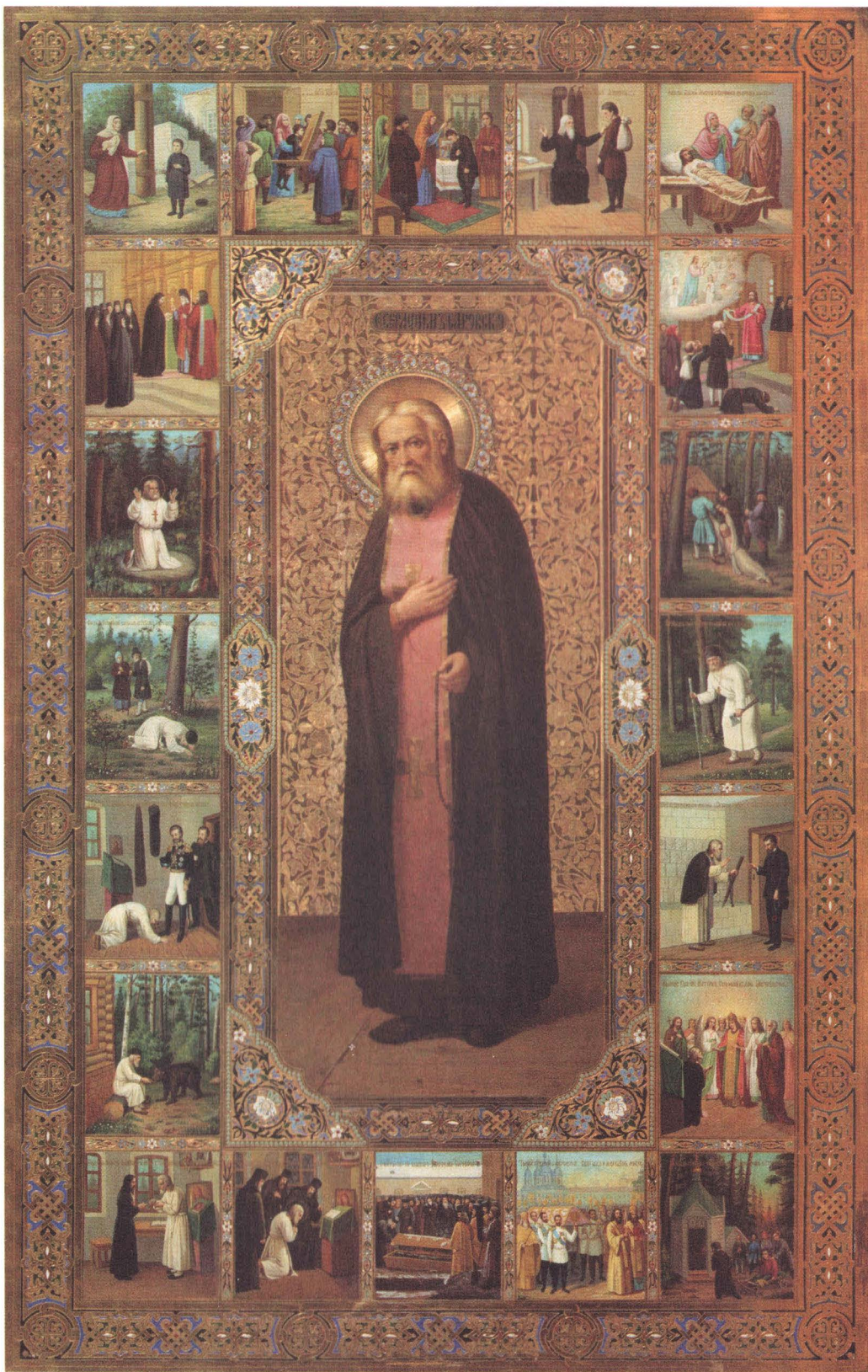
Прохора образовалось отверстие, через которое стала вытекать жидкость, наполнявшая его тело. Скоро Прохор встал с постели.

Во сне случилось это явление или наяву, кто знает? Точно известно — Богородица второй раз спасала Прохора: первый раз в детстве, второй раз — спустя долгие годы.

Исцеление Прохора монастырское начальство расценило как Божий Промысел, и на месте кельи, где три года пролежал Прохор, решили построить больницу и церковь. Для сбора пожертвований на это строительство был отправлен сам Прохор Машнин. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, завернул он и в Курск. Мать была еще жива, но делами не занималась, все свободное время проводя в церкви. Хозяйство постепенно приходило в упадок. Алексей, хотя и не был богат, половину своих сбережений отдал на строительство монастырской больницы.

В 1786 году Прохора постригли в монахи. Настоятель Пахомий возгласил: «Постригается брат наш, Серафим...» Так впервые было произнесено новое имя — Серафим, что в переводе с греческого означает «пламенный». Через много лет этому имени суждено было стать одним из символов святости на Русской земле. А тогда пострижение прошло незаметно. Оно было обычным, рядовым — очередной послушник стал монахом, иноком, говоря по-церковному, «принял постриг». По окончании богослужения отец Пахомий привел инока Серафима в новую келью. Отныне жизнь его принадлежала только Богу.

Святой Серафим Саровский в житии
в 20 клеймах. Икона. Около 1903 года

Постоянное обращение к Спасителю, общение с Ним через молитву открывало духовному взору Серафима видения небесного мира.

Во время многочасовых богослужений он видел ангелов, поющих вместе с монахами.

Ангелы представляли перед ним в виде юношей, одетых в златотканые одежды, а пение их нельзя было сравнить ни с чем — так на земле не поют. Серафим говорил:

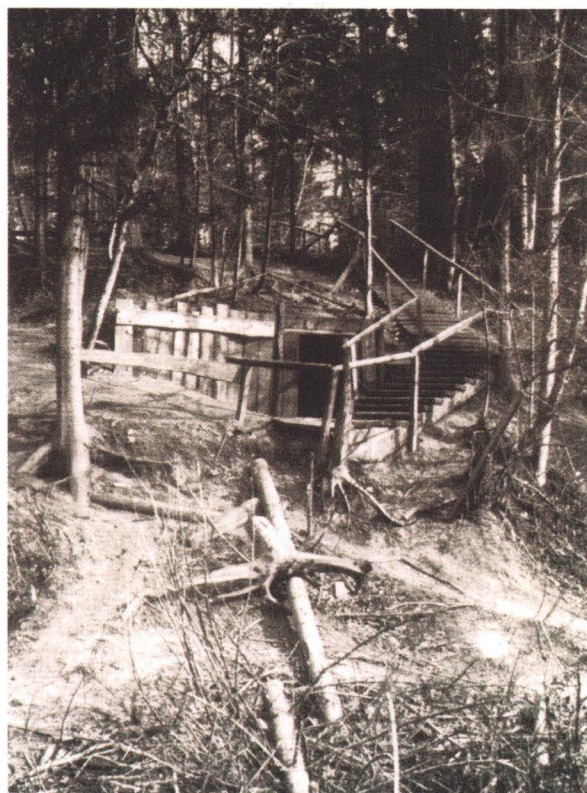
— Сердце мое в такие минуты таяло, как воск, от великой радости. Я ничего не помнил, кроме того, как входил в церковь и выходил из нее...

Особенно поразило его одно видение. Вот как он рассказывал об этом:

— Случилось мне служить с отцом Пахомием и отцом Иосифом в святой Великий четверг. Божественная литургия началась в два часа пополудни. После того, как я возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!», — вдруг озарил меня свет, как луч солнечный. Посмотрев на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого, сияющего во славе неизреченным светом и окруженного небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Он шел по воздуху, остановился возле амвона и, подняв руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в Свой церковный образ, писанный на иконе, что висела близ Царских врат...

Это видение настолько глубоко потрясло Серафима, что он не мог сойти с места и вымолвить слово. К нему подошли два монаха, взяли под руки и ввели в алтарь.

Около двух часов стоял Серафим совершенно неподвижно, только лицо его то бледностью покрывалось, то красными пятнами.

Пещера отца Серафима

Отец Пахомий видел, что происходит с Серафимом неладное. Однажды, когда тот пришел в себя, он спросил, что случилось. Серафим рассказал. И тогда мудрый Пахомий произнес неожиданные слова:

— Главное, сын мой — не допусти в свое сердце тщеславие. Тебе может вдруг показаться, что ты теперь — святой, что у тебя есть какие-то особые заслуги перед Богом. Конечно, Серафим, эти мысли будут для тебя приятны. Но если ты думаешь, что, уйдя из грешного мира, ты так уж сильно угодил Богу, то ошибаешься. Ты не святой, ты человек во плоти. Ты несовершенен, и тебе еще нужно стремиться к совершенству. Достигнешь ли его? Этого никто не знает. Как земледелец не знает заранее, каков будет урожай, пока не соберет его в амбары.

ОТШЕЛЬНИК

Прошли годы. Отец Серафим был рукоположен в иеромонаха. Не один раз ему предлагали высокие церковные должности, но он отказывался. Он хотел только одного — полного уединения. Умер отец Пахомий. Помолившись на его могиле, Серафим решил уйти из монастыря и поселиться в далекой лесной келье. Новый настоятель, отец Исая, с неохотой дал на это разрешение — Серафим с его авторитетом мог бы приносить немалую пользу в монастыре. Однако задерживать не стал, благословил.

Накануне ухода постучал в келью Серафима молодой послушник Павел.

— Прости, отец, мою дерзость, — низко поклонившись, робко вымолвил Павел. — Ты завтра покидаешь обитель, и вразумить меня будет некому.

— Разве в монастыре нет других наставников? — спросил Серафим.

— Да ведь разговор о тебе, отче, потому и хотел услышать слово из твоих уст. Братия говорит: твой уход из монастыря — одно лицемерие. Кто уходит из обители, тот презирает своих братьев, и причина этому — тщеславие и гордыня...

Е. Фесенко. Иеромонах Серафим Саровский уделяет часть от своей трапезы медведю

Серафим знал, о чем говорят монахи.

— Не наше дело — судить других, — ответил он Павлу. — Пусть Бог судит. А братии передай: ухожу я не потому, что презираю себе подобных, а потому, что в обители словом и делом нарушаются заповеди Божьи. В любом монастыре это есть. Запомни, Павел, слова мудрого Арсения Великого: бегай от людей и спасешься. И еще скажи: Серафим всех любит и за всех будет молиться...

Теперь келья Серафима, избенка с печкой, находилась в дремучем лесу, на высоком берегу речки Саровки. Вокруг кельи Серафим вскопал огород, завел пчельник из двух ульев и все это обнес невысоким забором. Жить здесь предстояло очень долго. Отныне он — от-

И. Шишкин. *Лесная сторожка*

шельник, и ни одна душа не могла помешать его общению с Богом. Но и помочь никто не мог, если станет неспособен...

Серафим прожил в одиночестве долгие годы. По воскресеньям участвовал в богослужениях монастыря, а потом и вовсе перестал покидать лесное убежище. Повседневная жизнь Серафима была известна и монастырскому начальству, и братии, и многим мирянам, которые приходили поведать ему о горестях, услышать мудрый совет, а то и просто поглазеть на знаменитого отшельника, слава о котором распространилась далеко за пределы Саровской обители.

Очевидцы рассказывали, как отец Серафим кормил хлебом из своих рук огромного медведя, о чем-то разговаривал с ним. Утверждали, что лесной отшель-

ник понимал язык зверей и птиц, и объясняли это тем, что к большим праведникам возвращается утраченный человеком дар — понимать язык всех Божьих тварей, обитающих на земле.

Но находились люди, которые толковали это чудо по-житейски просто. Один странник, посетивший келью Серафима, рассказывал:

— Охотники убили медведицу, а старец взял медвежонка на воспитание, выходил и выкормил его в своей келье. Чему же удивляться? Медведь — ручной.

Летом Серафим обрабатывал свой небольшой огорожок, удобряя грядки мхом, который собирал на болоте. Он выращивал картофель, лук, капусту,

В двух верстах от Сарова издавна находился родник, называвшийся Богословским. На горке, в четверти версты от источника спасался в своей келье отшельник Дорофей, скончавшийся в сентябре 1825 года. Место это отец Серафим посещал, когда еще жил в «дальней пустыньке», работал здесь и очень любил его. По выходе из затвора он ежедневно стал приходить сюда. Тут возник новый источник.

Как говорит предание, источник забил от удара жезла Богоматери, явившейся здесь старцу Серафиму. Вода этого источника, называемого «Серафимов», не портилась долгие годы.

Множество больных, с верой омываясь ей, получали исцеление от тяжких недугов.

Часовня над камнем отца Серафима

С. Афонина. *Моление о даровании источника Святой Серафим Саровский* →

морковь. Хлеб ему приносил из монастыря Павел. Осенью Серафим заготавливал дрова, сам валил деревья, распиливал огромные сосновые бревна и мелко коллот их. Бывало, во время работы лопата или топор выпадали из его рук, лицо становилось задумчивым, отрешенным, он подолгу стоял неподвижно, углубившись в какие-то тайны, ведомые только ему одному.

Как Серафим жил эти годы, что происходило в душе его, можно только догадываться. Он сказал как-то: «В монастыре борется с дьявольскими искушениями как с хищными птицами, а инок в своей келье — как со львами и леопардами...» Он в одиночку вел борьбу с болезнями, ночными страхами, тоской и унынием, уповая только на Божью помощь.

А какие ужасные видения посещали Серафима! Страшные дикие люди вы-

ламывали дверь и бросали в келью огромные поленья. Иногда казалось, что келья разваливается на части и придавливает его своей тяжестью.

Из лесу выходили хищные звери. Они окружали поверженную избушку и злобно рычали, а видом были так гнусны, что нельзя описать словами... Он знал — это злые духи. Серафим рассказывал:

— Однажды, глубоко заглянув к себе в душу, понял я, убогий, что дух мой ослабевает, а вместе с ним и вера. Решил я тогда укрепить себя по примеру преподобного Симеона-столпника, сорок семь лет простоявшего на столпе и оттуда возносившего молитвы к Господу. Нашел и я недалеко от кельи скалу высокую, каменную, и по ночам, взбравшись на оную, молился на ней до самого рассвета. Небольшой же камень принес в келью свою и молился там

днями. Продолжал я это непрерывное моление тысячу дней и ночей, спал же не более четырех часов в сутки...

От столпничества Серафим перешел к другому духовному подвигу — молчальничеству. Он замкнул уста свои на несколько лет. Об этом подвиге Серафим сказал так:

— Молчание украшает человека. Как говорил святой Амвросий Медиоланский — я видел многих, кто спасал свою душу молчанием, и ни одного — болтливостью. Сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми силами старайся приблизить себя к Богу. Душа твоя успокаивается, страсти утихают, приходят мир и покой. Слова — орудия нашего грешного мира, молчание же — таинство будущей жизни...

Страшное испытание послано было отцу Серафиму на десятый год отшельничества. Явились к нему в келью трое крестьян, стали требовать денег:

— Где спрятал? Знаем, тебе много приносят.

Старец ответил:

— Я ни у кого ничего не беру...

Не поверили разбойники, стали бить Серафима. Обухом ударили по голове, да так, что изо рта и ушей полилась кровь, и он упал на землю без памяти. Бездыханное тело пинали ногами, сломали несколько ребер, выбили передние зубы.

Били топором, дубиной, ногами, а потом, связав веревками, втащили в сени и бросили. Грабители решили, что старец мертв. Они обшарили всю келью, по кирпичику разобрали печь, надеясь отыскать деньги, а нашли несколько сморщенных картофелин.

Рассказал Серафим настоятелю и братии о случившемся и остался в Сарове. Первые восемь дней страдания его были ужасны, он не мог ни пить, ни есть, ни спать. В обители не надеялись, что он выздоровеет, однако привезли из Арзамаса троих известных врачей. Увидев, в каком состоянии находится Серафим, врачи поразились: как он жив остался с такими ранами? Пока врачи совещались, что делать, было Серафиму видение.

Подошла к его постели Пресвятая Богородица и сказала, показывая на врачей: «Зачем они трудятся? Этот — нашего рода...» — и положила руку на лоб Серафима.

Очнувшись, Серафим впервые за восемь дней попросил поесть и с тех пор мало-помалу стал поправляться. И поправился старец. Однако до конца дней носил он на своем теле страшные отметины. После этого избиения он сгорбил и ходил, опираясь на палку.

Пять месяцев провел Серафим в монастыре, а затем вновь вернулся в свою лесную келью.

Слава о духовных подвигах Серафима распространялась по всей России: о святом старце говорили в монастырях, рас-

Святой Серафим Саровский на пути в пустыньку
Последняя треть XIX века

сказы об испытаниях, которые он мужественно переносит во имя веры, о его мудрости и прозорливости проникли в города, села и даже в столицу.

Поклониться великому подвижнику и услышать от него духовные наставления мечтали люди самых разных сословий — от простых крестьян до великих князей.

Ходили слухи, что сам российский император Александр I посетил лесную келью старца и долго беседовал с ним.

Церковное начальство упрашивало Серафима жить в монастыре, убеждало, что старец принесет много пользы монастырской братии своими мудрыми наставлениями и душеспасительными беседами. Серафим отказался, объяснив отказ так:

Встречу императора Александра I и старца Серафима многие исследователи считают маловероятной. Однако косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что сохранилось уведомление о награждении преподобного нагрудным крестом, учрежденным Александром I для священнослужителей, своим примером благочестия подвигавших народ к единодушию и твердости в период Отечественной войны 1812 года.

— Григорий Богослов молвил: прекрасно богословствовать для Бога, лучше, если человек очищает себя самого для Бога...

Снова и снова просили Серафима вернуться. Наконец он собрал нехитрые пожитки и пришел в монастырь. Но в обители Серафим стал затворником. Затворничество — один из самых тяжелых обетов, которые может принять на себя монах. Жить в затворе — значит заживо похоронить себя, полностью уйти от людей и общения с ними.

М. Майман
Император Александр I в келье у Серафима Саровского

Убога была келья Серафима. Постелью ему служили мешки с песком и войлочная попона. Питался затворник белой рубленой капустой и толокном, а воду и пищу приносил ему в келью верный Павел. Накрыв голову полотенцем, чтобы никто не увидал его лица, отец Серафим выползал из дверей на коленях. Как великий дар Божий, принимал от монаха посуду с пищей.

Убога келья. У Бога — Серафим. Мысли его и молитвы к престолу Божьему обращены. Ничто не нарушает глубокой сосредоточенности. В келье время было совсем другим, чем в окружающем мире, наполненном великими событиями и потрясениями. Там шли страшные войны, сменялись на троне цари, готовились революции. За время затворничества Серафима в России

построили первый пароход, открыли несколько университетов, победили Наполеона и подавили восстание декабристов.

В келье время текло медленно, вдумчиво, под слабое потрескивание березовых поленьев в печке. Неяркий огонек масляной лампы освещал божественный лик Спасителя. Если сказать точнее, времени здесь не было вовсе, оно остановилось...

Серафиму исполнилось шестьдесят шесть лет. Почти за полувековую монашескую жизнь он приобрел столько духовного опыта, взлелеял в себе такую любовь к Богу, так глубоко изучил свою душу, что в оставшиеся ему семь лет жизни он должен был отдать эти сокровища людям.

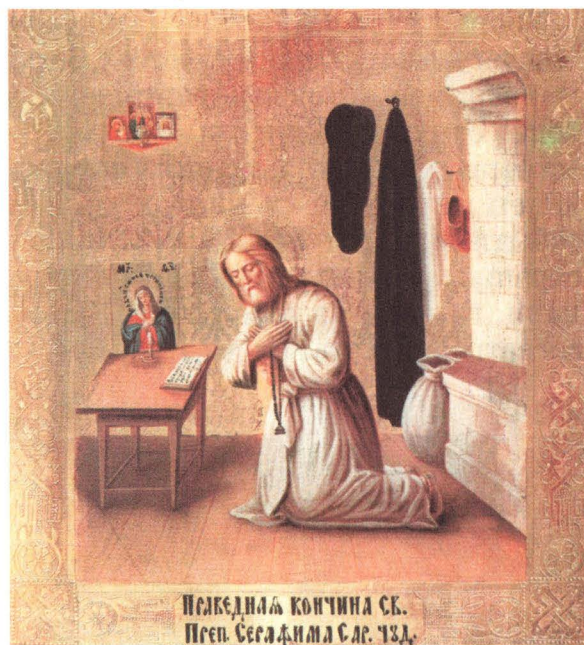
Вот тогда отец Серафим вышел из затвора.

О Серафиме Саровском написано большое количество книг, о нем рассказывали не только духовные лица, но и многие русские писатели: Василий Розанов, Дмитрий Мережковский, Андрей Белый, Иван Бунин. Большую поэму «Святой Серафим» написал Максимилиан Волошин, закончив ее словами:

Серафим и мертвый не покинул

Этих мест, прославленных молитвой...

Серафим Саровский — современник Александра Сергеевича Пушкина. Уже более ста лет ведутся споры — встречались ли великий святой и великий поэт? Философ Николай Бердяев утверждал: «Они не знали друг друга, никогда и ни в чем не пересекались...» Однако новая работа литературоведов Н. Серегинной, В. Назарова и Л. Краваль опровергает это утверждение. Ссылаясь на письма, рисунки и стихи поэта, ученые считают такую встречу если не вполне доказанной, то очень вероятной.

Скромное убранство кельи преподобного Серафима. Клеймо иконы

ГРАЖДАНИН НЕБЕСНОГО ОТЕЧЕСТВА

Всю свою жизнь Серафим бежал от людей. Совсем юным мальчиком он ушел из мира в монастырь, из Саровской обители перебрался в лесную келью, пятнадцать лет прожил в глухом лесу.

Он бежал от людей, но люди не хотели отпускать его. И вот наконец дверь монастырской кельи отца Серафима отворилась, и кинулись к ней страждущие и обремененные, скорбящие и озлобленные...

С раннего утра и до позднего вечера тянулись к Серафиму люди. Он начал новый, последний свой подвиг на земле — старчества, духовного руководства людьми. Право на это имеют немногие люди, прошедшие трудный жизненный путь. Ведь прежде чем учить других, они долго учились сами. На вопрос, что же труднее — учить или самому учиться, Серафим отвечал:

— Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз, а самому исполнять — как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню...

Люди понесли к святому праведнику Серафиму свое горе, свои нравственные язвы, недоумения, страдания, боль и обиды. Обычный человек был бы раздавлен этим грузом человеческих несчастий, но старец Серафим не был обычным человеком. Среди этой скорбной бури он сохранял ясность ума и духа, уверенно утешая людей, указывая им верный путь.

Он был человеком, который посреди бушующего урагана слышал близкую тишину, еще не доступную своим спутникам. Может быть, поэтому бывал он так ласков со страждущими, жалел их и обращался к ним, будто к родным: «Радость моя»!

Одетый в белый балахон и мантию, встречал он посетителей на крыльце и приглашал внутрь кельи, освещенной огоньками свечей.

Особенно внимательно мудрый старец выслушивал тех, в ком видел искреннее желание покаяться и исправиться.

Поговорив с таким человеком, Серафим накрывал его голову епитрахилью и произносил разрешительную молитву, отпуская грехи. Затем помазывал посетителя святым елеем и давал испить святой воды.

Наконец старец целовал каждого, говорил: «Христос воскрес!» — и давал приложиться к медному кресту, висевшему у него на груди — материнскому благословению.

Он принимал всех: богатых и бедных, умных и глупых, здоровых и калек, злых и добрых, верующих и неверующих, пьяниц и трезвенников, скупых

и щедрых — всех, кто хотел видеть великого старца и говорить с ним.

Все эти люди очень нуждались в его помощи.

А помощь требовалась разная: одному — богословская беседа, другому — строгое наставление, третьему — простой житейский совет. Все, что бы ни сделал и ни сказал старец Серафим, простодушная людская молва именвала «чудесами».

Пришел к старцу молодой парень, привел с собой мать — горькую пьяницу. Стал жаловаться и просить совета — как быть? Серафим приложил ладонь к губам сына и сказал:

— Огради себя молчанием! Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было и чтобы ты долго жил на земле.

Затем трижды дунул на мать, сказав:

— Удали из своего дома не только вино, но и посуду винную. Отныне ты не будешь пить.

И действительно, несчастная женщина вскоре избавилась от порока пьянства. Чудо!

Прибежал встревоженный, плачущий крестьянин, схватил старца за рукав, закричал:

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, размышляя об отношении русских людей к святым отцам и святости, писал:

«Для смиренной души русского простолудина, измученной трудом и горем, а главное — всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как приобрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему... Это потому, что народу без веры, что есть где-то святой или святыня, способная защищать его, было бы тяжело жить...»

— Ты, что ли, отец Серафим? Помоги, батюшка, лошадь у меня украли, а без лошадки я совсем пропащий человек. Как буду детей кормить? А ты, говорят, угадываешь...

Сказал Серафим плачущему крестьянину:

— Иди в село Никольское, а как станешь подходить к нему, свороти с дороги направо и пройди задами четыре дома. Как увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадку от колоды и выведи молча. Да смотри, крика-то не поднимай и никому об этом ни слова не говори.

Крестьянин в точности исполнил наказ старца и, к своей радости, нашел лошадь. Чудо!

Молодая мать пошла с шестилетним сыном в лес по ягоды да там его и потеряла. Блуждала до позднего вечера, кричала и звала ребенка — не откликнулся. Утром пришла заплаканная к старцу:

— Помоги, отче, один сынок у меня! Не найду — лишу себя жизни!

Старец строго прервал убитую горем женщину:

— Не гневи Бога! Жизнь и смерть — в его руках. Побудь в монастыре три дня и приходи ко мне снова.

Через три дня мать пришла в келью Серафима, а там ее дожидался сын. Чудо!

Неверующие люди всегда пытаются объяснить чудесные события простыми логическими схемами или житейскими совпадениями. Даже саровские монахи злословили, объясняя случай с заблудившимся мальчиком: «Старец наш, поди, половину монастырской братии в лес отправил на поиски — немудрено, что мальчонку нашли».

О найденной лошади говорили так: «Нету здесь никакого чуда. Тем же

днем, только рано утром, приходил на исповедь к старцу вор, признался: “Грешен я, батюшка, украл в соседней деревне лошадку, а теперь боюсь: узнают, забьют до смерти”».

А скольких исцелил Серафим от тяжких недугов! Жил в Нижегородской губернии помещик Мантуров. В молодости он долго находился на военной службе, тяжело заболел и, выйдя в отставку, поселился в своем имении. Болезнь была странной и необъяснимой — у него заживо гнили ноги.

Доктора не знали, как лечить эту болезнь. Ноги совсем перестали слушаться помещика, из-под бинтов постоянно текла сукровица. Мантурова привезли в Саров, поддерживая под руки, ввели в келью Серафима.

Старец спросил ласково:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров заплакал и стал просить об исцелении.

— В Бога веруешь? — спросил старец.

— Верую, отче!

— Ну, радость моя, если в Бога веруешь, так веруй и в то, что верующему все возможно. Исцелит тебя Господь, а я, убогий, помолюсь за тебя.

Серафим снял бинты с ног Мантурова, смазал язвы лампадным маслом и надел на ноги чулки из посконного холста, говоря при этом:

— По данной мне от Бога благодати врачую тебя.

Через короткое время Мантуров уже мог ходить. Неизлечимая болезнь была побеждена. Когда помещик вновь приехал к Серафиму, старец сказал:

— Разве это дело Серафима — исцелять? Что ты, батюшка! Это воля Бога, который слушает молитвы и воздает нам по вере нашей — его благодари.

Чудо!

Из года в год множились и кочевали по Русской земле рассказы о чудесах преподобного Серафима. Ему исполнилось семьдесят два года. Более полувек назад он пришел в Саров молодым, сильным человеком, а каким стал в последние дни жизни? Изувеченный старик, согбенный, почти бесплотный! На спине у него открылась старая рана, нанесенная в ранней молодости упавшим деревом, на ногах — неизлечимые язвы. Только дух его был по-прежнему крепок. Он сказал как-то отцу Павлу:

— Телом я уже мертв, а духом — словно вчера родился.

Одно только удерживало Серафима на земле — великая любовь к человечеству, та самая, что пылала в нем неугасимым пламенем всю жизнь. Он хорошо знал, что дело его земной любви не прекратится и со смертью: его будут поминать в молитвах и просить у него заступничества перед Господом.

Серафим чувствовал, что земной путь подходит к концу. Он не боялся смерти. Он стремился к своему Создателю. Он был «гражданином Небесного Отечества», как назвал его один из современников. Земных связей уже не существовало для старца, он не вспоминал о своих родных, потому что все, живущие на земле, были для него родными. Монахиня, приходившая навестить Серафима, спросила, скоро ли они снова увидятся? Он поднял руки к небу и ответил:

— Там увидимся.

ЭФЕССКИЕ ОТРОКИ

— Как жить без тебя, отче? Кто вразумит сестер дивеевских, кто поможет?

В глазах монахини Ефросиньи, настоятельницы женского Дивеевского монастыря, что находился рядом с Саровом, стояли слезы. Эти вопросы, словно вопль отчаяния, вырвались из ее уст помимо воли. Она не хотела даже думать о близкой кончине старца Серафима, но скорбь и тяжелые предчувствия оказались сильнее.

— Что же ты, матушка, заживо меня хоронишь? — лицо старца озарилось кроткой и светлой улыбкой. — Я еще жив. А помру — станете жить без меня. Ты лучше послушай, какую историю расскажет убогий Серафим... Именуется эта история — «Сказание о семи эфесских отроках», а случилась она недалеко от города Эфеса, что в Малой Азии, по сему и отроков прозвали «эфесскими».

Несмотря на то, что значительную часть своей жизни Серафим Саровский провел в молитвенном уединении, вдали от людей, ему были близки и понятны их заботы и чаяния. В меру своих сил старец старался помогать людям, и не только мудрыми советами и наставлениями. Известно его отношение к Дивеевской общине, где жили монахини. Отец Серафим помог им собрать средства на строительство мельницы, купил на свои деньги участок земли и передал сестрам для сооружения нового храма. По его просьбе саровские монахи доставляли в Дивеево лес, дрова, съестные припасы. Серафим не отказывался от денег, которые жертвовали благодарные посетители. Когда у него скапливалась определенная сумма, он передавал ее на нужды Дивеевской общины.

Были эти отроки ревностными христианами, оттого и подвергались гонениям от тамошнего властителя — страшного противника веры Христовой. Скрываясь от преследования, укрылись отроки в одной горной пещере, и там проводили время в горячих молитвах, приготавливаясь к мученическому подвигу во имя Иисуса Христа. Властитель же, прознав, где они находятся, послал туда своих воинов с приказом: завалить вход огромными камнями, чтобы и мышь не проскочила. Так и умерли юноши голодной смертью, но память об их подвиге во славу веры Христовой люди сохранили по сей день.

Много времени прошло с тех пор, лет двести. Стал царствовать другой властитель, истинный защитник и хранитель нашей веры. И вот однажды вход в пещеру эфесскую отвалили, и узрели люди чудо — восстали юноши из мертвых! Посрамили неверующих, отрицающих истину воскресения.

Узнав о столь великом событии, царь христианский самолично прибыл из Константинополя в Эфес, где увидел отроков живыми, и целых семь дней провел с ними в благочестивых беседах, лично прислуживая им во время трапезы. После семи дней юноши вновь уснули смертным сном, но уже до Страшного суда Господня, когда все предстанут перед Спасителем для всеобщего воскресения...

Монахиня напряженно вслушивалась в каждое слово старца. Рассказывая, Серафим иногда замолкал, словно что-то обдумывал, щурился, глядя на огонек лучины.

— Прости меня, батюшка, — робко нарушила тишину мать Ефросинья, — никак не возьму в толк — к чему ты рассказал эту историю?

— К тому, радость моя, чтобы ты с сестрами не печалилась и не тужила, когда Господь призовет меня к себе. Чтобы знали вы твердо — убогий Серафим еще вернется к вам, как те благочестивые отроки эфесские.

Ответ Серафима поразил Ефросинью. Он не только не разъяснил ей смысла рассказанной истории, но наоборот — породил множество других вопросов.

Когда вернется преподобный Серафим? Через двести лет после смерти? Или раньше? И зачем он вернется? Чтобы через семь дней вновь умереть?

Когда Ефросинья покидала келью старца, Серафим задержал ее и вручил небольшой полотняный мешочек с сухарями и сверток с деньгами.

— Здесь двести рублей, все, что у меня есть, — проговорил он. — Пусти эти деньги на монастырские нужды. Ступай с Богом, а я за тебя помолюсь.

— Скажи, отче, какой нынче год будет? — спросила Ефросинья уже у порога. — Сказывают, неурожай грядет...

— Скажу тебе одно, матушка, год этот начнется большими слезами и великим плачем...

Случился этот разговор 1 января 1833 года, а на следующий день полились слезы.

Сосед старца по келье, отец Павел, много лет прослуживший Серафиму, ранним утром выйдя в сени, почувствовал запах дыма. Много раз он просил старца, чтобы тот был осторожнее с огнем — в келье Серафима постоянно го-

рело много свечей. И всякий раз старец отвечал:

— Пока я жив, пожара не будет. А когда умру, кончина моя откроется пожаром...

Отец Павел постучал к Серафиму — тишина. Пробовал открыть — дверь заперта изнутри на крючок. Павел выбежал в монастырский двор и позвал на помощь монаха Аникиту, который возвращался с заутрени. Богатырь Аникита ударом плеча вышиб дверь, и монахи увидели, что у порога дымится груда холстов. Крестьяне, посещавшие старца, часто приносили ему в подарок холсты, а Серафим в свою очередь раздавал их беднякам. От свежего морозного воздуха дымящиеся тряпки вспыхнули ярким пламенем, осветив внутренность кельи.

Серафим стоял на коленях перед иконой Богоматери, голова его склонилась, руки были скрещены на груди. Монахам показалось, что старец молится. Но когда Павел легонько тронул его за плечо, тело Серафима повалилось набок.

Старец был мертв. Он умер, как и жил — в вечной молитве, в вечной беседе с Богом.

В Дивеевском монастыре сестры молились за упокой души великого праведника, а на заднем дворе выгружали с подвод мешки с пшеницей, купленной на деньги старца Серафима. Монахини плакали. Не плакала только настоятельница мать Ефросинья. Лицо ее было кротким и светлым, словно она знала что-то такое, о чем не догадывались остальные.

Она помнила слова старца, врезавшиеся ей в душу: «Убогий Серафим еще вернется к вам...» Ефросинья уже не думала, когда это случится, она знала твердо — вернется. Человеку, который творил великие чудеса при жизни, молитвой исцелял неизлечимо больных и беседовал с Богоматерью и Сыном Божиим, — это было под силу.

И он вернулся.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Серафим Саровский ушел из жизни, но не из людской памяти. Его тело покоилось у стен Успенского собора в Сарове, а молва о его удивительной, праведной жизни разносилась по всей России, проникала в самые дальние ее уголки. О нем слагали стихи и песни, самые разные люди описывали его жизненный путь, множились рассказы о чудесах, совершенных отцом Серафимом. Это были простодушные, бесхитростные истории о волшебных исцелениях:

«Однажды привели в Саров бесноватую, которую с трудом удерживали несколько мужчин. С великим усилием подвели больную к сеням кельи отца Серафима. Женщина, упиравшаяся всю дорогу, у крыльца кельи вдруг упала

и закричала страшным голосом: «Сожжет! Сожжет!» В это время вышел отец Серафим, неся святую воду. Но так как женщина не хотела открыть рот, то старец насильно влил ей несколько капель. В ту же минуту изо рта больной вышел дым. Старец перекрестил ее, сотворил над нею молитву, а больная очнулась и стала сама молиться. Она почувствовала себя здоровой и прежние припадки ее ужасной болезни больше не повторялись».

Отца Серафима не было в живых, а он по-прежнему врачевал тела и души. Обращаясь к старцу в молитвах, люди просили у него помощи и часто ее получали. Это называлось «исцеление по молитве старца Серафима».

Шли годы, а поток рассказов о старце не только не уменьшался, он увеличивался! Истории о чудесных исцелениях по молитве отца Серафима печатались в журналах, церковные власти вели подробный учет этим чудесам, ученые-медики их подтверждали. Для простого русского человека отец Серафим давно уже был святым, но чтобы он стал святым «по-настоящему», Церковь должна была его канонизировать, официально внести имя великого праведника в список русских святых. Это случилось через семьдесят лет после кончины старца.

В 1903 году Синод принял решение:

«Святой Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам старца Серафима совершающихся... предоставил Его Императорскому Величеству

доклад, в котором изложил следующее решение:

1. *Благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божию прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами, и положить оные в особо приготовленную гробницу для поклонения и чествования приходящих к нему с молитвой.*

2. *Церковную службу преподобному Серафиму составить особую, а до времени составления таковой открыть ему общую службу, память же его праздновать как в день преставления, так и в день открытия святых его мощей.*

3. *Объявить об этом народу православному от имени Святейшего Синода».*

Прославление старца Серафима было назначено на лето 1903 года. А весной грянул скандал, да такой оглушительный, что отголоски его слышатся по сей день. В сознании верующих святость обязательно связана с нетленными мощами. Если человек — святой, его останки должны представлять собой не кости, а мумифицированное, высохшее тело, не тронутое тлением. По решению Синода была создана комиссия, которой предстояло обследовать останки старца. Когда вскрыли захоронение, взорам церковного начальства открылась следующая картина: в гробу лежал хорошо сохранившийся скелет, но без всяких признаков телесных покровов. То есть нетленного тела не было. Останки старца Серафима ничем не отличались от миллионов других останков, а это значит, они не могли быть доказательством святости...

На самом деле по православному учению нетленные мощи не являются главным признаком святости. Главный признак — способность святого творить чудеса. Вера в нетленное тело — пережиток язычества, дохристианской веры. Православные богословы хорошо это

Личные вещи Серафима Саровского

знали, а теперь предстояло объяснить верующим, что старец Серафим, несмотря на истлевшее тело — настоящий русский святой. Эта задача казалась неразрешимой.

Комиссия решила составить два акта освидетельствования останков. Первый акт, в котором содержалась правда, сразу же засекретили. Второй, где была ложь, опубликовали. Опубликованный акт подтвердил существование нетленного тела, и следовательно, святость Серафима...

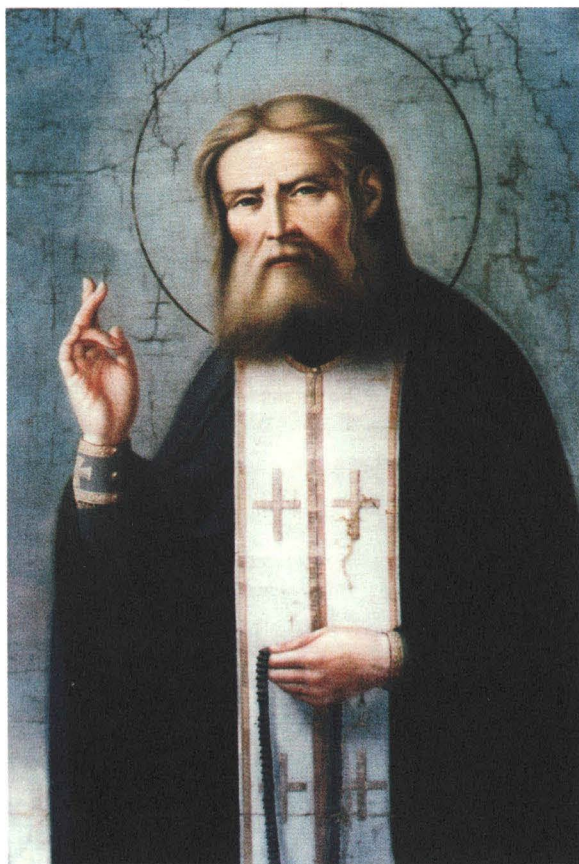
Тамбовский архиепископ Димитрий был единственным членом комиссии, который отказался эту ложь подписывать.

Тем временем по Петербургу поползли смутные слухи о том, что останков Серафима нет вообще, гроб оказался пустым!

Россия в начале двадцатого столетия переживала сложный социально-политический кризис. Набирало силу революционное движение, убийства и террор стали обычным делом, зашаталась вера не только в царя и русскую церковь, но и в самого Господа Бога. День ото дня нарастали анархия и произвол. Слухи были на руку противникам монархии. В газетах стали писать о подлоге, а самого Серафима ехидно именовали «истлевший святой». Старообрядцы — противники государственной церкви, торжество прославления старца Серафима называли «саровская авантюра»...

Петербургский митрополит Антоний Вадковский, известный богослов и большой почитатель Серафима Саровского, понимая, что молчать больше нельзя, решился на отчаянный шаг — он опубликовал подлинный, правдивый акт осмотра мощей, а к этому добавил свои разъяснения. Он пытался растолковать верующим, в чем заключается святость

Преподобный Серафим Саровский, чудотворец

человека, приводил богословские и исторические примеры, рассказывал о древней и современной практике греческой церкви — прародительнице русского православия.

Доводы Антония Вадковского никого не убедили.

Этот скандал был нужен людям, далеким от веры, которой так самоотверженно служил старец Серафим. Их не интересовал сам Серафим Саровский, а тем более вопрос его святости. Они преследовали другие цели: политические, социальные, личные.

Кости великого старца Серафима лежали в дубовом гробу у стен Саровского монастыря, а вокруг бушевали земные греховные страсти: друг с другом боролись корысть и властолюбие.

Однако вера людей в Саровского чудотворца и любовь к нему были столь велики, что никакие скандалы, слухи и сомнения не затронули их сердец. Они сами объяснили историю мощей святого: «Эту напасть Господь посылает нам за грехи наши. Это он явил нам в назидание неполные мощи святого старца. Сам же Серафим телом вознесся на небеса».

Серафима Саровского канонизировали в июле 1903 года, но загадочная история его мощей на этом не закончилась. Она только начиналась...

После революции 1917 года к власти в России пришли большевики. Официальной государственной религией стал атеизм — полное отрицание любой религии. Стараясь доказать, что никаких святых не существует, вожди русской революции затеяли по всей стране кампанию вскрытия мощей. Гробницу старца Серафима открыли, и более полугода кости святого были выставлены для обозрения. Власть говорила: «Смотрите, перед вами обычные кости, как у всякого человека. Что в них святого?»

Один за другим закрывались монастыри, пришла очередь и Саровской обители. Монахи разбрелись кто куда, церковное имущество разграбили, а мощи преподобного Серафима исчезли.

Они были обнаружены только после Великой Отечественной войны, в Москве, в Центральном антирелигиозном музее. Но вернуть их церкви не спешили. Пока московский патриарх Алексей I переписывался с властями, настаивая на возвращении мощей Серафима, они исчезли вновь, и теперь уже на целых сорок пять лет! Все эти годы в России ждали их возвращения.

Нашли мощи святого старца Серафима Саровского в 1990 году, в Ленинграде, в Музее истории религии и атеизма. После нескольких экспертиз было точно установлено, что найденные останки — действительно мощи Серафима Саровского.

11 января 1991 года московский патриарх Алексей II и директор музея подписали документ о возвращении православной церкви мощей Серафима Саровского. Был установлен праздник второго обретения мощей — в день памяти святого, 15 января по новому стилю.

Сейчас мощи преподобного Серафима находятся в Серафимо-Дивеевском монастыре, и тысячи паломников ежегодно посещают православную русскую святыню, чтобы поклониться святому старцу, попросить его о заступничестве и помощи. Это люди верующие. Но приезжают в Дивеево и другие. Одних гонит сюда мода, других — политическое лицемерие, третьих — любопытство.

Вокруг Дивеевского монастыря идет бойкая распродажа: торгуют «святостью» — бумажными иконками с изображением старца Серафима, якобы исцеляющими от болезней, майками с ликами святых, и раскраской для малышей под названием «Батюшка Серафим Саровский».

Это пошлое зрелище показалось бы самому отцу Серафиму странным и непонятным...

Но он никого бы не осудил. Он с печальной улыбкой смотрел бы на этот пестрый греховный мир, на людей, которых он так любил и от которых бежал всю жизнь, повторяя слова своей любимой молитвы:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного...

Памятник преподобному Серафиму Саровскому в Дальней пустыньке

Часовня на источнике отца Серафима во время весеннего разлива реки Сатис

СПОВАРЬ

А́нгелы — бесплотные существа, помощники Бога и посредники между Ним и людьми. В древности, в Византийской империи, где придворные чины делились на 9 рангов, церковь ввела такое же деление ангелов на 9 чинов: **Серафимов**, **Херувимов**, **Архангелов** и т.д.

Алта́рь — главная часть храма, отделенная от остального помещения иконостасом — стеной, украшенной иконами. В центре иконостаса проход в алтарь закрывают **Царские врата**. **Амво́н** — возвышенная площадка перед иконостасом.

Би́блия — собрание священных книг, разделяемое на два отдела — **Ветхий завет** и **Новый завет**. К Ветхому завету принадлежат книги, созданные в дохристианское время на еврейском языке. Их почитают священными как у иудеи, так и христиане. В Новом завете

те собраны книги, написанные на греческом языке апостолами и евангелистами (учениками и последователями Иисуса Христа).

Епитрахиль — часть священнического облачения, лента, середина которой надевается на шею, а длинные концы соединены и спускаются спереди. Епитрахиль — символ благодати, без нее священник не совершает богослужения, не произносит проповеди в церкви, по окончании исповеди он возлагает концы епитрахили на голову кающегося, когда произносит разрешительную молитву.

Жития́ святых — жизнеописания мучеников, аскетов, князей и священнослужителей, объявленных церковью святыми.

Иеромона́х — монах, имеющий сан священника.

Инок — от греческого слова «одинокый», то же, что и монах.

Исповедь — одно из христианских таинств, в котором человек приносит покаяние в грехах.

Канониза́ция — официальное причисление к лику святых умершего подвижника веры и благочестия и введение культа нового святого. Церковь учит: христиане, лучшие из лучших, стремившиеся к совершенной жизни и оказавшие своей деятельностью большие услуги церкви, по кончине своей, как особенно угодившие Богу, удостоиваются особенной Божией благодати и среди небожителей образуют особенный класс — «святых человек», которые молятся пред Богом за живых братьев по вере, а те должны воздавать святым молитвенное чествование.

Ла́вра — крупный и важный по своему положению православный мужской монастырь.

На исповеди священник возлагает концы епитрахили на голову исповедующегося

Мáнтia — у монахов верхнее одеяние черного цвета без рукавов.

Мóщи — останки христианских святых, не подвергшиеся тлению после смерти. Почитание мощей существовало с первых веков христианства и основывалось на представлении о теле как о храме Божьем.

Настоя́тель монасты́ря — глава монастырской общины.

Отше́льник — монах-аскет, удалившийся от людей и мирской суеты в пустынное, уединенное место для совершения подвига монашеского благочестия.

Послу́шник — тот, кто готовится к **пóстригу**, то есть принятию монашества. Послушник еще не дал монашеских обетов, не принадлежит к монастырской братии, не носит полной монашеской одежды. Его обязанность — исполнять разные послушания: помогать при богослужении и работать в монастырском хозяйстве.

Преподо́бный — святой из иноков-подвижников.

Прича́стие, или **Евха́ристия**, — одно из главных христианских таинств. После соответствующего приготовления постом, покаянием и молитвой, верующий, под видом хлеба и вина, принимает в себя Тело и Кровь Христову, таинственно соединяясь с Ним и приобщаясь к Божественной благодати. Когда говорят «приобщиться Святых Тайн», это означает — причаститься.

Псалти́рь — книга псалмов, религиозных песен. Псалтирь входит в Ветхий завет.

Пу́стынь — небольшой уединенный монастырь или отдельное жилье монаха.

Сино́д — высшее церковное учреждение православной церкви, основанное Петром I в 1721 году.

Сто́лпник — христианский подвижник, совершавший подвиг «стояния на столпе», ради благочестия и подчинения своей воли.

Первый, прославившийся подвигом столпничества, был Симеон Столпник, живший в IV—V веках. Столп Симеона представлял собой врытый в землю ствол дерева с площадкой наверху, где можно было стоять и сидеть, но без всякого укрытия от зноя или холода. На этом столпе Симеон пробыл в непрестанной молитве сорок семь лет. Отсюда он говорил с толпой народа, пришедшей послушать известного во всей Римской империи и за ее пределами мудреца и провидца, а также с отдельными посетителями. Еду, которую ему доставляли, он поднимал наверх при помощи веревки.

Та́инство — священнодействие, через которое на человека тайно (невидимо) действует особая благодать Божия. Всего таинств семь: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, соборование, брак и священство.

Часосло́в — церковная книга с молитвами, читающимися во время некоторых церковных служб. В старину по Часослову ребяташек учили читать.

Чúдо — необычайное и необъяснимое явление, не вытекающее из законов природы или человеческих усилий, а обусловленное сверхъестественными силами людей или более могущественных сил. Неверующие пытаются объяснять чудеса естественными причинами, неизвестными законами природы и т. д. Для верующих даже обыкновенное явление жизни может считаться чудом. Например, выздоровление больного ребенка в сознании религиозной матери может быть названо чудом, если оно произошло после ее молитвы.

СОДЕРЖАНИЕ

Храм.....	2
Божья поляна.....	9
Старец Досифей.....	13
Саровский монастырь.....	16
Отшельник.....	22
Гражданин Небесного Отечества.....	31
Эфесские отроки.....	37
Жизнь после смерти.....	40
Словарь.....	46

Александр Яковлевич Толстиков

Серафим Саровский

Гражданин Небесного Отечества

Для среднего школьного возраста

**Святой Серафим Саровский своими великими духовными подвигами
заслужил особую благодать Божью.**

**Он не искал благодарности — но за бескорыстную помощь называли
любимого старца «всероссийским батюшкой».**

Художник Василий Васильевич Стуковнин

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Ответственный редактор С. Карпачева
Редактор Л. Жукова
Научный редактор В. Михайлов
Корректор О. Ситникова
Сканирование: В. Тулин
Компьютерная верстка: Р. Триндицкая

ISBN 978-5-7793-1146-5

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12,
916-55-95, (812) 766-33-93
Факс: (495) 916-55-95, (812) 766-58-06

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращаться по адресу:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 916-55-95

Сайт издательства: www.belygorod.ru
E-mail: belygorod@mail.ru

Дата подписания в печать 20.11.2006
Гарнитура SchoolBook, печать офсет,
формат 84 x 108, 1/16

Тираж 5000 экз.

Заказ № 0626190

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Серия «История России» — единственная в своем роде серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем весь уникальный мир русской истории.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает уже более 80 книг.

Интересный текст и хорошее иллюстрирование сделали ее очень популярной.

Тираж серии в 2005 году достиг 1 500 000 экземпляров! Вышли тематические сборники:

«Герои русской истории», «Русские победы». Готовятся к выпуску сборники:

«Древняя Русь», «История русских городов», «Цари и императоры» и другие.

Мы благодарим наших читателей за поддержку. Приятного Вам чтения!

А также:

XX век

Александр I

Благословенный

Александр II Освободитель

Александр III Миротворец

Александр Невский

А.К. Толстой. Баллады

А.С. Пушкин

Антарктида

Балканская война

Боги древних славян

Борис и Глеб

Век переворотов

и фаворитов

Великие князья

Великие полотна

Вещий Олег

Владимир Мономах

Война 1812 года

Война народная

Георгиевские кавалеры

Герои русских былин

Герои русской истории

Государь всея Руси Иван III

Города России

Гражданская война

Деревянное зодчество Руси

Добрыня Никитич

и Алеша Попович

Древняя Русь

Дуэли

Екатерина Великая

Золотое кольцо

Золотой век Московской Руси

Иван Грозный

Илья Муромец

История Москвы

Клады и сокровища

Князь-чародей

Крещение Руси

Крымская война

Куликовская битва

Легенды Древней Руси

Легенды русских монастырей

Литература Древней Руси

Ломоносов

Московские святые

Московские тайны

Минин и Пожарский

Народный календарь

Народные промыслы

Николай I

Николай II

Павел I

Петр I

Предсказатели и пророки

Ордена и награды

Российская наука

Российский флот

Русская Америка

Русская деревня

Русские женщины

Русские живописцы

Русские колумбы

Русские композиторы

Русский костюм

Русские писатели

Русские победы

Русские полководцы

Русские святые

Русский военный костюм

Русско-турецкие войны

Садко

Самозванцы

Святослав

Святыни России

Северная война

Северная столица

Славянская мифология

«Слово о полку Игореве»

Суворов

Цари и императоры

Юрий Долгорукий

Ярослав Мудрый

Готовятся к выпуску:

Волга

Денис Давыдов

Загадки русского языка

Крым. Жемчужина

Черного моря

Праздники на Руси

Русские героические сказки

Русский рукопашный бой

ISBN 978-5-7793-1146-5

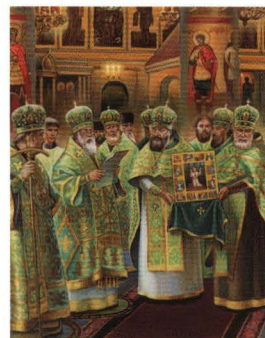
9 785779 311465

Упал Прохор, но не разбился. С Божьей помощью он остался жить

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Гражданин Небесного Отечества

Серафим Саровский был канонизирован в июле 1903 года

В лавке брата Прохор читал духовные книги своим сверстникам

Молодой послушник не знал усталости и радовался любой работе, которую ему поручали

Лесной отшельник Серафим как будто понимал язык птиц и зверей

«Кончина моя откроется пожаром», — сказал Серафим инокам. Так и случилось

Сменялись на троне цари, шли войны, а Серафим возносил молитвы Богу во славу России

Люди несли Серафиму свою боль, страдания, обиды. Для всех он находил слова утешения

БЕЛЫЙ

ГОРОД